

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

С.Н. ЛЕВИН,
Д.В. КИСЛИЦЫН

Насилие, политический ресурс и “рынки власти”*

В статье рассматриваются проблемы трансформации насилия в политический ресурс и формирования “рынков власти” различных типов, выступающих как совокупность транзакций политическим ресурсом. Показано, что существуют различные дискретные структурные альтернативы организации “рынков власти”. Авторы рассматривают особенности функционирования “рынков власти” в России не только на общенациональном, но и региональном уровне (на примере Кемеровской области). С их точки зрения, современной России преждевременно говорить о “порядках открытого доступа”. Речь может идти лишь о разработке и реализации институциональных проектов, направленных на модификацию существующего гибридного политико-бюрократического рынка.

Ключевые слова: насилие, политический ресурс, рынки власти, инфорсмент, бизнес-группы, гибридный политико-бюрократический рынок.

В современной экономической науке усиливается понимание того, что экономическое развитие необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с политической организацией общества. Характер экономического развития определяется конфигурацией институтов, определяющих формы и способы взаимодействия между “экономикой” и “политикой”, экономическими и политическими акторами. В этой связи в научной литературе развернулся поиск исследовательских подходов, которые, говоря словами М. Олсона, будут представлять собой “познавательную структуру, способную одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ” [Олсон 2012, с. 26]. Среди предложенных подходов можно выделить концепцию Норта–Уоллиса–Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. По нашему мнению, наибольший интерес представляет тезис авторов о том, что условием социально-экономического развития выступает создание институциональных механизмов контроля над организо-

* Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 15-06-04998 «Взаимосвязь между типами предпринимательства и вариантами экономического развития региона “ресурсного типа”: качественная характеристика и количественная оценка»).

Левин Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и государственного управления, факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Адрес: 65043, Кемерово, ул. Красная, д. 6. E-mail: levin.sergey.n@gmail.com.

Кислицын Дмитрий Викторович – аспирант кафедры экономической теории и государственного управления, факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Адрес: 65043, Кемерово, ул. Красная, д. 6. E-mail: dmitry.v.kislitsyn@gmail.com.

ванным насилием. В зависимости от конфигурации институтов, определяющих пути решения этой проблемы, выделяются два типа социальных порядков: модели “естественного” государства с “порядком ограниченного доступа” и “зрелого” государства с “порядком открытого доступа”. В отечественной литературе в центре внимания оказались проблемы возможности перехода российской экономики и социума от “естественного” государства к “порядку открытого доступа” (см., например, [Плискевич 2013; Зудин 2013^а; Зудин 2013^б; Яковлев 2012] и др.).

Представляется, однако, что такой подход в определенной степени базируется на преобладании нормативного анализа над позитивным. Нормативизм выражается в ориентации на необходимость и возможность утверждения в России “порядка открытого доступа”, достижение которого рассматривается в качестве “конечного пункта” модернизации. Но в самой концепции Норта–Уоллиса–Вайнгаста “порядок открытого доступа” выступает скорее в роли идеальной модели, которая отражает определенные черты институционального устройства группы стран со сложившейся рыночной экономикой и демократической политической организацией. При этом сами критерии перехода от одного порядка к другому носят достаточно размытый характер.

Думается, что необходим поиск исследовательского подхода к проблеме контроля над организованным насилием, который базируется на приоритете позитивного анализа и рассматривает различные исторически сложившиеся конфигурации институтов, обеспечивающих решение данной проблемы в качестве дискретных структурных альтернатив, обладающих сравнительными преимуществами. В рамках такого подхода представляется возможным дать экономико-теоретическую характеристику закономерностей трансформации насилия в политический ресурс как особого рода экономический ресурс и развития различных конфигураций институтов, обеспечивающих транзакции этим ресурсом.

От насилия к политическому ресурсу

Предложенная в рамках данной статьи концепция развивает подходы, разработанные в рамках новой институциональной экономической теории (НИЭТ), которые рассматривают проблемы трансформации организованного насилия в общественное (публичное) благо – инфорсмент (правоприменение). Специфика нашего подхода заключается в анализе превращения этого общественного блага в особого рода экономический ресурс, который становится предметом транзакций, что предполагает отсутствие монополии “правителя” на насилие. Основные концептуальные подходы в рамках НИЭТ к данной проблеме (“политическая теорема Р. Коуза” [Coase 1960; Vira 1997; Barzel 2002] и модель государства – “стационарного бандита” М. Олсона [Олсон 1998; Олсон 2012]) базируются на предпосылке возможности достижения монополии “правителя” (в роли которого может выступать как агент-гарант, представляющий интересы населения, так и “стационарный бандит”) на насилие.

Два описанных в рамках этих концепций состояния мира изображены на рисунке 1. Модель “политической теоремы Коуза” реализуется в ситуации низких транзакционных издержек заключения соглашений между акторами с высоким потенциалом насилия (“правителем” и локальными гарант-инфорсерами). Мир “стационарного бандита” Олсона, напротив, возникает в ситуации высоких транзакционных издержек и высокой степени монополизации насилия. Парадоксальным образом, крайние точки оказываются общественно-оптимальными: достигается монополия на применение насилия со стороны “правителя”, заинтересованного в производстве инфорсмента (правоприменения) как общественного (публичного) блага. Однако углубленный анализ показывает, что эти два состояния мира представляют собой две идеальные модели, недостижимые в реальном мире. Рассмотрим причины этого:

1. *Недостижимость “политической теоремы Коуза”*: проблема надежных гарантий (*commitment problem*). Контракты между “правителем” и другими акторами не будут выполняться, так как “правитель” не может дать надежные гарантии не исполь-

Рис. 1. Политическая теорема Р. Коуза и модель “стационарного бандита” М. Олсона.

зовать силу с целью нарушить соглашение или изменить его условия. Следовательно, распределение политической власти создает неотъемлемую “проблему обязательства” (*commitment problem*), делающую невозможным достижение соглашений, которые позволяют добиться монополии “правителя” на насилие.

Проблема надежных гарантий, ассоциируемая с политической теоремой Коуза, имеет два компонента. Во-первых, “правитель” не может достоверно пообещать не применять власть до тех пор, пока он от нее не отказался. Во-вторых, если он отказывается от власти, то не может доверять обязательствам других акторов уважать его права собственности, так как больше не обладает политической властью, чтобы осуществить принуждение к исполнению этих обещаний.

2. *Недостижимость монополии на применение насилия со стороны государства – “стационарного бандита”*: издержки применения насилия. Главная упрощающая предпосылка модели Олсона заключается в том, что его “правитель” обладает монополией на применение насилия. Однако существуют издержки применения крупномасштабного насилия: как только “правитель” устанавливает контроль над достаточно обширной географической территорией, эффективное применение его вооруженных сил становится невозможным, а создание эффективной системы правоприменения на местах – чрезвычайно сложной задачей, требующей формирования дорогостоящей инфраструктуры. Помимо издержек этого типа, важную роль играют также издержки получения достоверной информации – по мере увеличения территории, контролируемой “правителем”, ему все сложнее получить объективную информацию о том, что происходит в его владениях.

Таким образом, подводя итог, мы продемонстрировали, что оба идеальных состояния мира (мир “политической теоремы Коуза” и мир “стационарного бандита” Олсона) оказываются недостижимы в реальности, которая расположена в континууме между этими двумя состояниями. Реальные варианты заключаются в формировании той или иной доминирующей коалиции, объединяющей “правителя” и локальных гарантов. Включение локальных гарантов в доминирующую коалицию требует от “правителя” заключения с ними неявного контракта: они отказываются от прямого применения децентрализованного насилия, “правитель” соглашается соблюдать их права на извлечение ренты. При этом “проблема надежных гарантий” делает невозможным сделку “одностороннее разоружение в обмен на ренту”: как только локальный гарант потерял способность применять насилие, у “правителя” возникнут стимулы изменить условия контракта в свою пользу.

Способом решения проблемы включения локальных гарантов в доминирующую коалицию является предоставление им “правителем” политического ресурса (см. рис. 2). Под политическим ресурсом мы понимаем контролируемый государством ресурс легитимного насилия. Наша трактовка политического ресурса отличается от традиционной в рамках политологии (см., например, [Крыштановская 2005; Dahl 1991]). В рамках политологии под политическим ресурсом понимается ресурс политика, который может быть использован для укрепления позиций во властной иерархии. Экономические ресурсы – это все блага, которые могут быть использованы для производства других благ. Соответственно, политический ресурс как особый вид экономического ресурса являет-

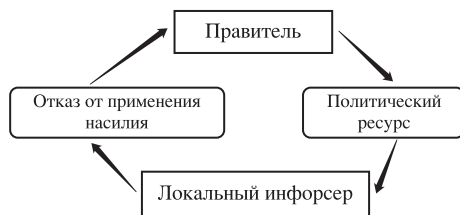

Рис. 2. Трансакция между “правителем” и локальным инфорсером (актором-гарантом).

ся ресурсом экономического субъекта, выступающим как инструмент мобилизации других ресурсов, прежде всего капитала. Использование политического ресурса позволяет экономическому актору снизить стоимость привлечения других ресурсов и увеличить отдачу от них. Доступ к политическому ресурсу обеспечивает экономическим акторам привилегированное положение в системе правоприменения (инфорсмент), обеспечиваемого “правителем”. Таким образом, локальный гарант получает возможность инвестировать свой политический ресурс в производственную деятельность (объединив его с капиталом, трудом и предпринимательскими способностями), что позволяет ему извлекать ренту. В результате у локального гаранта пропадают стимулы использовать децентрализованное насилие, если он получает доступ к более эффективному (в силу эффекта масштаба) аппарату насилия, которым располагает “правитель”.

Политический ресурс становится предметом особого рода “торгов”, соединяющих вертикальные и горизонтальные трансакции, которые образуют “рынки власти” (политические рынки). На этих “рынках” политические акторы (локальные гаранты, включенные в доминирующую коалицию) выступают субъектом предложения, а предприниматели – субъектом спроса. Такой подход позволяет рассмотреть “экономику” и “политику” в их единстве и взаимосвязи, поскольку политические акторы реализуют свои интересы в экономической сфере, а экономические – в политической. В рамках избранного подхода понятие “рынка” используется в широком смысле слова как совокупность всех нерасчлененных политико-экономических трансакций, объектом которых выступает политический ресурс.

“Рынки власти” и формы использования политического ресурса

Структура “рынков власти” (политических рынков) качественно различается в различных типах обществ, образуя набор дискретных институциональных альтернатив. В качестве основных дискретных институциональных альтернатив организации “рынка власти” выступают: классический политический рынок, бюрократический (административный) и гибридный политико-бюрократический (политико-административный).

“Классический” политический рынок возникает в институциональных рамках, закрепляющих разделение экономики и политики во взаимосвязанные, но автономные подсистемы общества. Он – предмет анализа в теории общественного выбора, в центре внимания которой находится политический выбор в условиях прямой и представительной демократии [Бьюкенен 1997; Мюллер 2007]. Поскольку в теории общественного выбора трактовка политики как особого рода рынка впервые получила развернутое обоснование, представленные в ее рамках модели можно определить как “классические” политические рынки. В рамках такой системы политические рынки выступают как механизм производства общественных благ (в широком смысле слова), которые требуют использования государственного принуждения. Субъектами классических политических рынков выступают “избиратели”, “публичные политики” и профессиональные бюрократы (“рациональные бюрократы”). Они образуют агентскую цепочку, в рамках которой избиратели являются принципалами, а публичные политики и профессиональные бюрократы – агентами (речь идет об идеальной модели, причем в теории общественного выбора отмечается несовершенство политических рынков).

В рамках классических политических рынков субъектом спроса на политический ресурс выступает бизнес, организованный в форме компаний, индивидуальные конкурентные преимущества которых носят преимущественно экономический характер – концентрация на “ключевых компетенциях” позволяет более эффективно использовать наличные ресурсы. В то же время бизнес заинтересован в доступе к политическому ресурсу для обеспечения благоприятных рамочных условий предпринимательской деятельности. Такой доступ предприниматели получают через лоббизм – давление на государственные органы со стороны организаций, представляющих отраслевые или региональные группы интересов. Это означает, что предприниматели получают доступ к политическому ресурсу через коллективное действие.

Данная система отношений во многом пересекается с идеальной моделью государства с “порядком открытого доступа” по Норту–Уоллису–Вайнгасту. По сути, она служила и служит провозглашаемой нормативной целью проводимых в постсоветский период экономических и политических реформ. Однако реальный ход постсоветской трансформации был задан сложившейся в предшествующий период структурой “рынка власти”, что можно считать ярким проявлением “эффекта исторической обусловленности развития” (*path dependence*).

Исходным пунктом развития в России выступил сложившийся в ходе эволюции советской экономики и социума бюрократический (административный) рынок. Анализ бюрократического (административного) рынка как системы “товарных” и властных транзакций был проведен такими исследователями, как П. Авен, В. Широнин, В. Найшуль, С. Кордонский и др. [Авен, Широнин 1987; Найшуль 1992; Кордонский 2000].

“Рыночные” транзакции политическим ресурсом развивались в рамках советской экономики как “единой политической фирмы”. Это следствие политизации экономики, когда основная масса не только общественных, но и частных благ производилась в рамках централизованно управляемого государственного хозяйства. В рамках такой системы государство стремилось реализовать право неограниченной собственности на государственное предприятие и его ресурсы, контролируя распределение и использование не только постоянных, но и переменных факторов производства. При этом оно как принципал сталкивалось с растущими агентскими издержками, обусловленными асимметрией информации, стимулирующей оппортунистическое поведение управленцев [Фуруботи, Рихтер 2005, с. 459–471; Эггертссон 2001, с. 356–364]. По мере роста масштабов и сложности экономики, информационные издержки “правителя”, который выступал в роли собственника “единой политической фирмы”, постепенно нарастали. Это создало условия для реализации локальными акторами своих частных интересов, достигаемых через расширение оппортунистического поведения. Формой реализации таких интересов выступил именно бюрократический (административный) рынок.

Субъектами статусных “торгов” на нем выступали различные группы номенклатуры, встроенные в единую партийно-государственную иерархию. При этом центральным звеном этой системы становились вертикальные торги. Руководящие органы использовали в рамках таких “торгов” инструменты властной мотивации и права на распоряжение ресурсами. Руководители предприятий и ведомств использовали свои преимущества, базирующиеся на владении адекватной экономической информацией о ресурсах и потребностях, а также на контроле над реальным процессом производства. Система вертикальных торгов дополнялась нелегальными, легализуемыми или легальными горизонтальными торгами между организациями. Среди важнейших особенностей бюрократического (административного) рынка можно назвать:

- сращивание политических и экономических торгов при решающей роли торговли политическим ресурсом;

- статусное неравенство участников торгов и преобладание статусной конкуренции. Важнейшая цель всех участников – борьба за укрепление статусных позиций, что расширяет реальные возможности смягчения бюджетных ограничений.

Сформировавшиеся в рамках партийно-государственной иерархии, группы специальных интересов были ориентированы на накопление своего политического ресурса. При этом узкий состав этих специальных групп интересов и ориентация их участников на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципу – государству придает им характер распределительных коалиций, снижающих своими действиями эффективность экономики (показательным представляется характеристика их деятельности как проявления “красного склероза”, данная Олсоном [Олсон 1998]).

Сложившаяся структура бюрократических рынков во многом предопределила направления институциональной трансформации экономики во время перестройки и в постсоветский период. Вместо планируемого разделения экономических и политических рынков произошла трансформация советского административного рынка в постсоветский политико-бюрократический (политико-административный), представляющий собой “институциональный гибрид”, соединяющий элементы статусных “торгов” и “классических” политических рынков. Он базируется на сети “статусных” по характеру и внезаконных по форме контрактов между государством и другими субъектами.

В 2000-х гг. произошла модификация политико-бюрократического рынка, связанная с резким усилением переговорных позиций “правлящей группы”, которая представляет собой “высшее звено” бюрократии (наследника советской номенклатуры). Характерными чертами отечественного политико-бюрократического рынка стали:

- реальное сращивание политических, бюрократических и экономических “торгов” при их формальном разделении;

- встречающая “бюрократизация” политических и экономических транзакций и “политизация” бюрократических и экономических “торгов”. “Бюрократизация” заключается в том, что конкурентоспособность акторов в политике и бизнесе определяется статусом во властной иерархии. В то же время “бюрократы” и “предприниматели” ведут себя как “политики”, ориентируются на наращивание своего политического ресурса. Это ведет к тому, что из системы практически полностью вытесняются, с одной стороны, публичные политики, выступающие как агенты избирателей, а с другой – “рациональные бюрократы”, ориентированные на эффективное выполнение функций административного управления. В результате основным субъектом предложения политического ресурса стали политизированные бюрократы, а основным субъектом спроса – политизированные предприниматели.

В рамках данной системы место публичных политиков занимают высшие звенья политизированной бюрократии в лице “правлящей группы”. Нижестоящие звенья бюрократии (включая представителей силовых и правоохранительных структур) при условии лояльности правящей группе и выполнении определенного минимума общественно необходимых функций имеют возможность “приватизировать” часть государственных функций и путем “продажи” административного ресурса реализовывать свои частные интересы. Бизнес, в первую очередь крупный, представляет собой совокупность политизированных предпринимателей, которым правящая бюрократия предоставила возможности доступа к распоряжению активами и использованию политического ресурса при условии выполнения имплицитных обязательств политической лояльности и выполнения ряда функций по поддержанию экономической и социально-политической стабильности в стране.

Модификация этой системы в 2000-е гг. по существу завершила процесс постсоветской реструктуризации отечественных “рынков власти”, связанный с восстановлением в новых формах единой иерархии властных торгов с включением в ее состав компонентов и форм классических политических рынков. Результатом стало формирование “вертикали власти”, которая по своей сути – вовсе не иерархическая система административного управления, а система статусных торгов между политизированными бюрократами и политизированными предпринимателями, выступающими как “хозяева” отраслей и территорий.

Рис. 3. Интернализация “политического ресурса” внутри бизнес-группы.

В рамках сложившейся системы отношений оба основных субъекта политико-бюрократического рынка оказываются заинтересованными в том, чтобы доступ к политическому ресурсу был ограничен пределами “закрытого” клуба. Представители властных структур не только извлекают экономические выгоды, но и решают главную для себя задачу, связанную с укреплением позиций во властной иерархии. Предприниматели оказываются заинтересованными в наращивании инвестиций в укрепление разветвленной сети персональных взаимосвязей с представителями власти.

В результате типичной формой организации бизнеса становится бизнес-группа, которая представляет собой совокупность формально независимых фирм, функционирующих, как правило, в не связанных между собой отраслях, контролируемых собственниками, тесно объединенными родственными или “приятельскими” связями. Важно подчеркнуть, что, несмотря на юридически независимый статус частей бизнес-группы, с экономической точки зрения она является единой фирмой.

Мы рассматриваем бизнес-группу в контексте теории транзакционных издержек О. Уильямсона и контрактной теории фирмы [Fama 1980; Demsetz 1969; Jensen, Meckling 1976]. Базовой единицей данного подхода выступает транзакция – добровольная, взаимовыгодная сделка (передача прав собственности). Контракты в рамках данного подхода оказываются способами управления правами собственности. При этом существуют различные способы управления транзакциями, наиболее сложные из них требуют делегирования права управления. В зависимости от специфичности ресурса контракты могут быть как классическими (краткосрочные сделки рыночного типа, без делегирования права управления), так и отношенческими (долгосрочные отношения в рамках гибридных организаций и иерархий, с делегированием права управления). В условиях политико-бюрократического рынка политический ресурс приобретает специфический характер и, как следствие, реализуется не через классические, а через отношенческие контракты; таким образом, транзакции им интернализируются в рамках бизнес-групп.

С нашей точки зрения, бизнес-группа – это система контрактов между двумя ключевыми группами участников: “предпринимателями” (обладателями финансового ресурса и ресурса предпринимательских способностей) и локальными гарантами, в роли которых в условиях современной России выступают вышеописанные политизированные бюрократы. На формальном уровне права собственности локальных гарантов могут быть не отражены или искусно замаскированы через целую сеть подставных фирм, как правило, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях. Таким образом, можно говорить о том, что интернализация политического ресурса одновременно означает “размывание” частной собственности. В неинституциональной экономической теории (модель Гроссмана–Харта) признаки собственника актива – владение “связкой” из двух правомочий: на конечный контроль (права на принятие любых решений об использовании актива за вычетом тех, которые в явном виде не заданы законом и не переданы в соответствии с контрактом другим лицам) и остаточный доход (доход, остающийся после расчетов со всеми остальными сторонами) [Grossman, Hart 1986].

Представители властных структур выступают на уровне реальных прав собственности как совладельцы прав на остаточный доход и конечный контроль.

Участие в бизнесе политически влиятельных акторов позволяет им извлекать значительную ренту. Владельцы капитала и предпринимательских способностей, как правило, играют роль младших партнеров, хотя их статус в контрактных взаимоотношениях зависит от дефицитности ресурсов, которыми они располагают. При этом условие сохранения предпринимателями контроля над бизнесом – формирование и укрепление персонифицированных связей с владельцами политического ресурса, что превращает их именно в политизированных предпринимателей, заинтересованных в инвестициях в интернализованный политический ресурс (см. рис. 3).

Спецификой современной России является то, что в качестве субъектов предложения политического ресурса выступают не только федеральные, но и региональные политические акторы. В этом плане показателен пример Кемеровской области, где в качестве такого актора выступает региональная администрация, в течение длительного времени возглавляемая А. Тулеевым, обладающим высоким уровнем накопленного политического ресурса. Это позволяет ему не только занимать достаточно прочные позиции в “торгах” с федеральными бизнес-группами, но и оказывать мощную политическую поддержку региональному бизнесу. Наиболее яркий пример этого на данный момент – история возникновения и развития региональной бизнес-группы – “СДС” (официальное название «ЗАО холдинговая компания “Сибирский Деловой Союз”»).

Основателям группы “СДС” стали М. Федяев и В. Гридин. Ее история началась с установления контроля над разрезом “Черниговский” в 1999 г. Приобретение “Черниговца” было тесно связано с борьбой ставшего губернатором Кемеровской области в 1997 г. Тулеева с группой “МИКОМ”. На момент назначения Тулеева губернатором данная бизнес-структура контролировала крупнейшие предприятия области, в том числе Западно-Сибирский и Кузнецкий металлургический комбинаты, при этом она пыталась активно противодействовать Тулееву, стремясь провести своих людей в региональный парламент. Противостояние губернатора и “МИКОМа” было длительным и тяжелым, разрез “Черниговский” выступал как одна из его площадок. В этой ситуации основатели “СДС” Гридин и Федяев были, по сути, участниками анти-МИКОМовской коалиции, формируемой Тулеевым. Федяев – на тот момент исполнительный директор “МирИнвеста” (структуры В. Варшавского – выходца из Кузбасса, депутата Госдумы от Единой России) – купил 13% акций “Черниговца” у менеджеров разреза. Гридин на тот момент работал в московском офисе “МирИнвеста”, занимаясь экспедированием. Федяев и Гридин решили объединить свои усилия, Гридин позже комментировал это таким образом: «У меня был опыт продаж, а у М.Ю. Федяева – акции “Черниговца”, с которыми ничего нельзя было сделать» [Хренников 2007]. Помимо опыта продаж, важным активом Гридина было личное знакомство с губернатором с 1982 г., тогда начальник Новокузнецкого отделения Кемеровской железной дороги Тулеев пригласил молодого специалиста коммунальщика Гридина возглавить Новокузнецкую дистанцию гражданских сооружений, то есть, по сути, все коммунальное хозяйство железной дороги. Тулеев, нуждавшийся в “дружественном” собственнике на “Черниговце”, был готов предоставить полную поддержку партнерам.

Гридин и Федяев стали наращивать свой пакет акций “Черниговского”, при этом корпоративный конфликт сопровождался судами и “войной” в СМИ. Профсоюзные лидеры “Черниговца” на пресс-конференциях рассказывали о попытках незаконного захвата предприятия «полукриминальными структурами, которые были созданы под патронажем вице-премьера Н. Аксененко и “красного” губернатора А. Тулеева». В ответ подконтрольные губернатору СМИ опубликовали копию “секретного протокола”, из которого следовало, что директор действует в интересах владельцев “МИКОМа” братьев Живило в обмен на 30-процентное участие в прибыли разреза. В итоге 22 декабря 1999 г. при поддержке кемеровского ОМОНа Федяеву и Гридину удалось “зайти” на “Черниговец”.

Вторым важнейшим этапом построения группы стало создание транспортной компании “Новотранс”. И вновь важную роль сыграли политический фактор и влия-

ние Тулеева. В 1998 г. губернатор Кемеровской области и глава МПС Аксененко подписали соглашение о сотрудничестве, по которому на перевозки из Кузбасса в адрес российских портов устанавливались исключительные (пониженные) тарифы. Например, перевозка угля до Туапсе стала стоить 11 долл. за 1 т вместо прежних 30 долл., делавших экспорт невыгодным. Гридин создал собственную транспортную компанию “Новотранс” и торговую компанию Mir Trade. Позже, в рамках реформы МПС был взят курс на создание частных операторских компаний с собственным парком вагонов. “Новотранс” получил лицензию оператора одним из первых.

Таким образом, ядром бизнес-группы стали предприятия в транспортной отрасли и добыче угля. Однако с начала своего развития, бизнес-группа приобретала активы в самых разных отраслях, поэтому после официального создания ЗАО «Холдинговая компания “Сибирский деловой союз»» в августе 2004 г. управление этими активами было организовано через отраслевые холдинги “СДС-Уголь”, “СДС-Маш”, “Новотранс”, “СДС-Строй”, “СДС-Алко”, “СДС-Медиа Холдинг”, “СДС-Энерго”.

Серьезные изменения в отраслевой структуре группы произошли в 2011 г., когда “СДС” приобрел “СИБУР-Минудобрения”, в том числе крупнейшее химическое предприятие в Кемерове “Азот”, и “Ангарский азотно-туковый завод”. Федяев комментировал приобретение нового для группы направления следующим образом: «Аммиачная селитра необходима для села и для ведения взрывных работ на разрезах. У нас есть завод по производству взрывчатых веществ, а основной компонент там – селитра. Кроме того, “СДС” рассматривает свои новые активы как крупный бизнес» [СДС приобрел... 2011]. Нетрудно заметить, что объемы производства селитры на “Азоте” и нужды сельскохозяйственных активов “СДС” и его завода по производству взрывчатых веществ несопоставимы.

Экспансия “СДС” вновь получила поддержку областной администрации, заместитель губернатора по промышленности транспорту и предпринимательству С. Кузнецов, оценивая смену собственника крупнейшего химического предприятия области, заявил, что «СДС – это региональная компания, с которой налажено хорошее взаимодействие, которая активно участвует в инвестировании производства, социальной жизни области. Мы считаем, что это лучшее, что могло произойти с “Азотом»» [СДС приобрел... 2011].

Уникальным эпизодом в истории “СДС” стало приобретение компании “Прокопьевскуголь” в 2007 г. Весной 2006 г. года Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК) потратил 99 млн долл. на покупку данной компании, но год спустя был вынужден продать ее муниципалитету Прокопьевска за один доллар. Администрация области не позволила НЛМК оптимизировать производство на предприятии, так как это было бы связано с закрытием шахт и увольнением работников, в такой ситуации НЛМК не смог вывести компанию на безубыточность и решил избавиться от данного актива. В результате “Прокопьевскуголь” был передан “СДС”. Данная сделка освещалась в СМИ как “просьба губернатора” и проявление “социальной ответственности” “СДС”.

Можно отметить, что система отраслевых холдингов, созданная после регистрации ЗАО ХК “СДС” в 2004 г. для организации разрозненных активов группы, оказывается не способна “переварить” увеличивающееся разнообразие активов. Поэтому с течением времени все большее число активов остается вне ее рамок. “СДС” не является публичным и не публикует отчетность, поэтому данные по объему продаж и прибыли нам доступны только по 12 крупнейшим организациям, входящим в состав группы (см. табл.). Данные показывают, что основным направлением “СДС” по-прежнему остается добыча угля, однако активная политика диверсификации приносит свои плоды: химические активы создают значительную долю прибыли.

Политическая влияние группы проявляется не только в поддержке со стороны власти проводимых группой сделок слияний и поглощений, но и в участии видных представителей бизнес-групп в политике. Так, на выборах в Госдуму 2011 г. в список Единой России по области, который возглавил и лично формировал Тулеев, попали два представителя “СДС”: Гредин и П. Федяев (сын М. Федяева).

Крупнейшие организации, входящие в «СДС»

Название компании	Отрасль	Объем продаж (2013 г., млн руб.)	Чистая прибыль (2013 г., млн руб.)	Год получения контроля	Глава компании
Азот	Химическая и нефтехимическая промышленность (производство удобрений)	27 802,0	1049,2	2011 г.	Михаил Федяев
Алтайвагон	Железнодорожное машиностроение	19 176,4	1321,8	2009 г.	Борис Коротков
Черниговец	Угольная промышленность	13 537,8	563,2	1999 г.	Алексей Тихонский
ХК «СДС-Уголь»	Угольная промышленность	13 513,0	996,5	Образован в 2006 году из разрозненных активов группы	Юрий Дерябин
ТК «Новотранс»	Транспорт и логистика	10 798,0	–1105,6	Создана в 2000 г.	Александр Фомичев
СДС-Трейд	Сервис (обеспечение поставок материально технических ресурсов)	7739,6	14,3	Создана в 2006 г.	Антон Бодренков
САЛЕК	Угольная промышленность	7296,7	40,3	Создана в 2004 г.	Игорь Исавнин
Разрез «Киселевский»	Угольная промышленность	5331,9	1,1	2004 г.	Константин Рыжков
Северо-Кузбасская энергетическая компания	Энергетика	4215,8	94,7	Создана в 2003 г.	Дмитрий Волков
Черниговский НПЗ	Химическая и нефтехимическая промышленность	3408,0	56,8	Завод введен в эксплуатацию в 2007 г.	Андрей Барабаш
Ангарский азотно-туковый завод	Химическая промышленность (производство удобрений и азотных соединений)	2892,1	601,6	2011 г.	Максим Пружина
СДС-Алко	Производство и реализация алкогольной продукции	2683,7	19,0	Создана в 2007 г. как эксклюзивный дистрибьютор продукции принадлежащих группе алкогольных заводов	Ксения Третьякова

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в данном случае политический актер в лице губернатора Тулеева выступает как сторона предложения политического ресурса, а стороной спроса – предприниматели (Гридин, Федяев) как обладатели ресурса менеджерских компетенций и предпринимательских способностей. При этом необходимо подчеркнуть, что мотивацию губернатора вряд ли корректно рассматри-

вать преимущественно с позиции извлечения частных выгод. “СДС” выступает для него важным инструментом управления региональной экономикой, обеспечивающим решение целого комплекса экономических и политических задач. Экспансия “СДС” всегда была тесно связана с приоритетами политики губернатора Тулеева. Группа выступает одновременно и инструментом этой политики, и одним из крупнейших ее бенефициаров. Это соответствует специфике сложившегося в стране типа управления экономикой, важнейшая особенность которой – режим “ручного управления”. Данный тип управления нельзя рассматривать как некое исключение из правил, зачастую это единственный способ обеспечить управляемость экономики, причем не только на региональном, но и на федеральном уровне.

* * *

Проведенный анализ показывает, что в реальном мире ситуация монополии на применение насилия со стороны государства практически недостижима. Это в конечном счете приводит к формированию совокупности нерасчлененных политико-экономических трансакций, объектом которых становится политический ресурс – контролируемый государством ресурс легитимного насилия. Доступ к политическому ресурсу обеспечивает экономическим субъектам привилегированное положение в системе правоприменения (инфорсмент). При этом “правитель” стратегически создает устойчиво неравные правила игры для того, чтобы включить локальных гарантов в доминирующую коалицию. Это обеспечивает превращение насилия из чистой разрушительной силы в общественное благо (правоприменение) и ресурс ведения бизнеса (политический ресурс).

Политический ресурс реализуется через “рынки власти” (политические рынки). В качестве основных дискретных альтернатив организации этих рынков выступают: классические политические рынки, бюрократические (административные) и гибридные политико-бюрократические.

Для современной России в качестве господствующего “рынка власти” выступает гибридный политико-бюрократический рынок. При этом он представляет собой не некое промежуточное, легко преодолеваемое состояние, а достаточно устойчивую систему. Однако этот факт практически не учитывается в практике институционального проектирования. Представляется, что на данном этапе развития страны постановка задач, связанных с переходом к системе классических политических рынков или, говоря в терминах концепции социальных порядков Норта–Уоллиса–Вайнгаста, к “порядку открытого доступа”, представляется по крайней мере преждевременной.

Сегодня речь может идти о разработке и реализации институциональных проектов, направленных на модификации существующего гибридного политико-бюрократического рынка, на изменение стимулов отечественных политизированных бюрократов и политизированных предпринимателей с перераспределительной активности на производительную деятельность. Опыт развития ряда стран Юго-Восточной Азии (например, Южной Кореи), для которых также было типично преобладание “рынков власти” политико-бюрократического типа, показывает, что это в принципе возможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авен П., Широнин В. (1987) Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социологии. № 3. С. 32–41.

Бьюкенен Дж. (1997) Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурус-Альфа.

Зудин А.Ю. (2013^a) Государство и бизнес в России: опыт применения концепции Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Ст. 1. Этапы развития российских бизнес-ассоциаций // Общественные науки и современность. № 2. С. 15–31.

- Зудин А.Ю. (20136) Государство и бизнес в России: опыт применения концепции Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Ст. 2. Тенденции развития отношений между государством и бизнесом // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–17.
- Кордонский С.Г. (2000) Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ.
- Крыштановская О. (2005) *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров.
- Мюллер Д. (2007) *Общественный выбор III*. М.: ГУ–ВШЭ.
- Найшуль В. (1992) Либерализация и экономические реформы // *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 69–83.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* М.: Изд. Института Гайдара.
- Олсон М. (2012) *Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство.
- Олсон М. (1998) Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР.
- Плискевич Н.М. (2013) Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Ст. 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 37–50.
- СДС приобрел кемеровский “Азот” (2011) // *Деловой Кузбасс*. 22.12.2011. URL: <http://www.delkuz.ru/content/view/14829>.
- Фуруботи Э.Г., Рихтер Р. (2005) *Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории*. СПб.: Санкт-Петербургский университет.
- Хренников И. (2007) Санитары Кузбасса // *Smart Money*. № 40. URL: <http://www.vedomosti.ru/smartmoney/article/2007/10/22/4171>.
- Эпертссон Т. (2006) *Экономическое поведение и институты*. М.: Дело.
- Яковлев А.А. (2012) Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // *Мир России*. № 4. С. 154–167.
- Barzel Y. (2002) *A Theory of the State. Economic Rights, Legal Rights and the Scope of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coase R. (1960) The Problem of Social Costs // *Journal of Law and Economics*, no. 1, pp. 1–44.
- Dahl R. (1991) *Modern Political Analysis*. Englewood Cliffs (New Jersey).
- Demsetz H. (1969) Information and Efficiency: Another Viewpoint // *Journal of Law and Economics*, no. 1, pp. 11–38.
- Fama E.F. (1980) Agency Problems and the Theory of the Firm // *The Journal of Political Economy*, no. 2, pp. 288–307.
- Grossman S.J., Hart O.D. (1986) The Costs and Benefits of Ownership: a Theory of Vertical and Lateral Integration // *Journal of Political Economy*, no. 4, pp. 691–719.
- Jensen M.C., Meckling W.H. (1976) Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // *Journal of Financial Economics*, no. 4, pp. 305–360.
- Vira B. (1997) The Political Coase Theorem: Identifying Differences Between Neoclassical and Critical Institutionalism // *Journal of Economic Issues*, no. 3, pp. 761–779.

Violence, political resource, and “power markets”

*S. LEVIN**,

*D. KISLITSYN***

* **Levin Sergey** – professor of Department of Economic Theory and Public Administration, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University. Address: 6, Krasnaya st., Kemerovo, 650043, Russian Federation. E-mail: levin.sergey.n@gmail.com.

** **Kislitsyn Dmitry** – assistant of Department of Economic Theory and Public Administration, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University. Address: 6, Krasnaya st., Kemerovo, 650043, Russian Federation. E-mail: dmitry.v.kislitsyn@gmail.com.

Abstract

This article discusses the transformation of violence in political resource and formation of power markets of various types representing a set of transactions with a political resource. It is shown that there are different discrete structural alternatives of political markets organization. The authors examine Russia's present political markets, not only at the national but also at the regional level (in Kemerovo region). From the point of view of the authors, in modern Russia is premature to speak of "open access orders". We can talk only about the development of institutional projects aimed at modifying existing political and bureaucratic market.

Keywords: violence, political resource, power markets, enforcement, business group, hybrid political and bureaucratic market

REFERENCES

- Aven P., Shironin V. (1987) Reforma khozyaistvennogo mekhanizma: realnost namechennykh preobrazovaniy [Reform of the Economic Mechanism: the Reality of the Planned Transformations]. *Izvestiya Sibirskogo Otdeleniya AN SSSR (Ser. Ekonomikai prikladnaya sotsiologiya)*, no. 3. pp. 32–41.
- Barzel Y. (2002) *A Theory of the State. Economic Rights, Legal Rights and the Scope of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buchanan J.M. (1997) *Raschet soglasiya. Logicheskie osnovaniya konstitutsionnoi demokratii* [The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy]. Moscow: Taurus Alfa.
- Coase R. (1960) The problem of social costs. *Journal of Law and Economics*, no. 1, pp. 1–44.
- Dahl R. (1991) Modern Political Analysis. Englewood Cliffs (New Jersey).
- Demsetz H. (1969) Information and efficiency: another viewpoint. *Journal of Law and Economics*, no. 1, pp. 11–38.
- Eggertsson T. (2006) *Ekonomicheskoe povedenie i institute* [Economic behavior and institutions]. Moscow: Delo.
- Fama E.F. (1980) Agency problems and the theory of the firm. *The Journal of Political Economy*, no. 2, pp. 288–307.
- Furubotn E.G., Richter R. (2005) *Instituty i ekonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii* [Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics], St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Grossman S.J., Hart O.D. (1986) The costs and benefits of ownership: a theory of vertical and lateral integration. *Journal of political economy*, no. 4, pp. 691–719.
- Hrennikov I. (2007) Sanitarnyi Kuzbassa [Keepers of Kuzbass]. *Smart Money*, no. 40. URL: <http://www.vedomosti.ru/smartmoney/article/2007/10/22/4171>.
- Jensen M.C., Meckling W.H. (1976) Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. *Journal of Financial Economics*, no. 4, pp. 305–360.
- Kordonskii S.G. (2000) *Rynki vlasti: administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of Power: Administrative Markets of the USSR and Russia], Moscow: OGI.
- Kryishtanovskaya O. (2005). *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite], Moscow: Zaharov.
- Mueller D. (2007) *Obschstvennyi vibor III* [Public Choice III] Moscow: GU-HSE.
- Naishul V. (1992) Liberalizm i ekonomicheskie reformy [Liberalism and Economic Reforms]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 8, pp. 69–83.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011) *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [Violence and social order: a conceptual framework for interpreting recorded human history], Moscow: Institut Gaidara.
- Olson M. (2012) *Vlast' i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Olson M. (1998) *Vozvyshenie i upadok narodov. Ekonomicheskii rost, stagflyatsiya, sotsialnyi skleroz* [The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities], Novosibirsk: EKOR.
- Pliskevich N.M. (2013) Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta–Uollisa–Vayngasta. St. 1. Sryivyi modernizatsii: vchera i segodnya [The possibility of transformation in Russia and the concept of North–Wallis–Weingast. Article 1. Failures of modernization: Yesterday and Today]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 37–50.

SDS priobrel kemerovsky “Azot” [SDS acquired Kemerovo’s “Azot”], *Delovoy Kuzbass*, 22.12.2011.

Vira B. (1997) The political Coase theorem: identifying differences between neoclassical and critical institutionalism. *Journal of Economic Issues*, no. 3, pp. 761–779.

Yakovlev A.A. (2012) Kommunisticheskie ubezhdeniya i ih vliyanie na razvitie ekonomiki i obschestva: primenenie novyih podhodov D. Norta k analizu istoricheskogo opyta SSSR [Communist beliefs and their impact on the economy and society: applying new North’s approach to historical experience of the USSR]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 154–167.

Zudin A.Yu. (2013^a) Gosudarstvo i biznes v Rossii: opyt primeneniya kontseptsii Norta–Uollisa–Vayngasta. St. 1. Etapy razvitiya rossiyskikh biznes-assotsiatsiy [Government and Business in Russia: the experience of the application of the concept of North–Wallis–Weingast. Article 1. Stages of development of Russian business associations]. *Obschestvennye nauki i sovremennost’*, no. 2, pp. 15–31.

Zudin A.Yu (2013^b). Gosudarstvo i biznes v Rossii: opyt primeneniya kontseptsii Norta–Uollisa–Vayngasta. St. 2. Tendentsii razvitiya otnosheniy mezhdu gosudarstvom i biznesom [Article 2. Trends in the development of relations between government and business]. *Obschestvennye nauki i sovremennost’*, no. 3, pp. 5–17.

© С. Левин, Д. Кислицын, 2015